

ЖИТАРСКИ

СЪАГОВЪСТНИКЪ.

Годъ IX Выпускъ 9-й 1913 г.

Отъ 15-го Сентября.

Два года въ Запретномъ городѣ.

Предисловіе.

Авторъ сей книги, дочь Лорда Ю-Кенгъ, члена Маньчжурскаго Бълаго Знаменнаго Корпуса, и одного изъ болѣе выдающихся прогресситовъ изъ среды Китайскихъ общественныхъ дѣятелей, имѣла особенныя условія для своей работы. Лордъ Ю-Кенгъ

поступилъ въ армию еще молодымъ и служилъ во время Тайпинскаго возстанія, Формозской войны съ Франціей и какъ Военный Вице-министръ во время Китайско-Японской войны въ 1895 г. Затѣмъ онъ былъ Посланникомъ въ Японіи, покинувъ этотъ постъ въ 1898 г. сдѣлавшись Президентомъ Министерства Иностр. Дѣлъ. А въ 1899 г. онъ былъ назначенъ Посломъ во Францію гдѣ и пробылъ четыре года. Въ періодъ когда Китайское Правительство было чрезвычайно консервативно и противодействовало прогрессу, Лордъ Ю-Кенгъ работалъ неутомимо надъ преобразованиемъ. Онъ былъ главный реорганизаторъ Китайскаго Почтоваго вѣдомства на современный образецъ, но не достигъ успѣха при ревизіи общественныхъ суммъ и при переворотѣ на новый ладъ армии и флота съ самаго начала до настоящаго времени. Онъ умеръ въ 1905 году.

Лордъ Ю-Кенгъ показалъ свой прогрессивный духъ на образованіи своихъ дѣтей. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его дочери получили иностранное образованіе, — тогда это было что-то неслыханное среди высшихъ Маньчжурскихъ официальныхъ лицъ, — были сдѣланы попытки обвинить его за то, что онъ выдаетъ себя за иностранца и революціонера, но его ничто не остановило и не удержало. Его дѣти получили первоначальное образованіе въ миссіонерскихъ школахъ, а затѣмъ его дочери были въ закрытомъ заведеніи въ одной изъ обителей Франціи, гдѣ авторъ сей книги окончила школу и вышла въ свѣтъ. По возвращеніи въ Пекинъ она сдѣлалась первой статсъ-дамой Вдовствующей Императрицы, и впечатлѣнія полученныя ею въ то время при Дворѣ послужили матеріаломъ для сей книги. Ей удобно было прослѣдить и оцѣнить отличительныя черты той замѣчательной женщины, которая самостоятелно управляла Китаемъ долгое время и ея рассказъ бросаетъ новый свѣтъ на одну изъ болѣе экстраординарныхъ личностей настоящаго времени.

По случаю болѣзни отца, который лежалъ при смерти въ Шанхаѣ, она поѣхала къ нему, чтобы лично самой поухаживать за нимъ и этимъ предприняла первый шагъ къ разрыву съ Китайскимъ Дворомъ. Здѣсь она была просватана за Г-на Thaddeus C. White, Американца, за котораго вышла замужъ 21 Мая 1907 года. Уступая рѣшительнымъ просьбамъ своихъ друзей, она согласилась написать кое-что изъ видѣннаго и испытаннаго ею при Дворѣ. Хроника весьма знаменитой Китайской женщины, обычаи и атмосфера ея двора хорошо изображены особой, принадлежащей къ той же расѣ.

Thomas E. Millard.

(Записки китайяни).

Мой отецъ и мать, Лорды и Лэди Ю-Кенгъ, съ семействомъ и вмѣстѣ съ нашей свитой, состоящей изъ Перваго Секретаря, Второго Секретаря, Морского и Военнаго члена Посольства, Канцлеровъ, ихъ семей, служивъ и пр. — всего пятьдесятъ пять чело- вѣкъ, — прибыли въ Шанхай въ Январѣ 1903 года на пароходѣ „Annam“ изъ Париза, гдѣ мой отецъ былъ посломъ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Наше прибытіе было не очень приятное, такъ какъ дождь шелъ какъ изъ ведра и намъ было очень трудно высадить нашу огромную свиту и доставить благополучно до мѣста, не упоминая о тонахъ багажа, за которымъ тоже нужно было присмотрѣть. Мы уже пришли къ заключенію во время предъидущаго путешествія, что ни на кого изъ посольскихъ или свиты не вѣлзи полагаться въ пути ни въ чемъ, вслѣдствіи чего вся забота падала на мою маму, которая — безсомнѣніи всегда оправдывала наши надежды и умѣла преодолевать всѣ трудности.

Когда катеръ съ парохода прибылъ къ Французской набережной, насъ встрѣтили Шанхайскій таотай, судья и много другихъ должностныхъ лицъ, всѣ одѣтые въ парадныя одежды. Таотай сказалъ моему отцу, что онъ приготовилъ Тіень-Хо-Гунъ (храмъ королевы Неба) для насъ, чтобы мы могли пользоваться имъ во время нашего пребыванія въ Шанхаѣ, но мой отецъ отказался отъ этого предложенія, сказавъ, что онъ уже телеграфировалъ изъ Гонконга и уже все устроилъ, чтобы остановиться въ „Nôtel des Colonies“ на Французской концессіи. Однажды мы уже испытали побыть въ этомъ храмѣ проѣздомъ въ Японію, гдѣ мой отецъ былъ посланникомъ въ 1895 г. и поэтому не имѣли больше желанія подвергнуться всему испытанію вторично. Зданіе очень старое и требующее немедленнаго ремонта. Вначалѣ это было превосходное мѣсто, но ему позволили придти въ упадокъ и превратиться въ развалины. Въ Китаѣ существуетъ обычай, чтобы городской голова приготовилъ мѣсто и снабдилъ пищей и пр. высшихъ сановниковъ или лицъ, когда они проѣзжаютъ черезъ какой-либо городъ и имъ надобности отказываться отъ хорошаго предложенія, но мой отецъ всегда держалъ себя очень независимо и вѣжливо отклонялъ всѣ предложенія помощи.

Наконецъ мы благополучно пріѣхали въ „Nôtel des Colonies“, гдѣ уже двѣ телеграммы ожидали моего отца изъ Императорскаго Дворца. Въ этихъ телеграммахъ ему приказывали немедленно выѣ-

хатъ въ Пекинъ, но такъ какъ рѣка въ Тяньцзинь замерзла, нечего было и помышлять, чтобы поѣхать по этой дорогѣ, только можно было отправиться черезъ Цинвандао,—но это слишкомъ длинный и утомительный путь для моего отца, который въ то время былъ старъ и боленъ и такое путешествіе было бы сверхъ его силъ. Въ Шанхаѣ все время пользовалъ его докторъ и слѣдилъ за ходомъ болѣзни. Въ виду всѣхъ этихъ трудностей онъ телеграфировалъ, что мы отправимся съ первымъ пароходомъ, какой поѣдетъ изъ Шанхая въ Тяньцзинь, когда рѣка Пейхо освободится отъ своего ледяного покрова.

Существуетъ курьезный обычай церемоніи, который долженъ происходить при встрѣчѣ кого—либо изъ официальныхъ лицъ по возвращеніи изъ—за границы. Первымъ долгомъ сіе лицо сговаривается съ самымъ близкимъ изъ вице—королей или губернаторовъ, чтобы поѣхать на поклоненіе къ Чинъ—Шень—Ань или Императору Мира, такъ какъ рангъ таотая слишкомъ низкій для этой церемоніи. Не успѣли сойти на берегъ, какъ Юань—Ши—кай, тогда онъ еще былъ Вице—королемъ Чилійской провинціи, послалъ чиновника къ моему отцу, чтобы уговориться о времени и мѣстѣ для этой церемоніи, которая на самомъ дѣлѣ очень красива. Когда все было готово оба мой отецъ и Юань—Ши—кай въ полной церемониальной формѣ, которая состояла изъ длиннаго бушара съ дракономъ, поверхъ котораго одѣвается куртка красновато—чернаго цвѣта въ три четверти длины, чаочу, шляпа съ перомъ павлина и съ красновато—корральной пуговкой, тотчасъ же отправились въ Вань—Шоу—Гувъ (десятитысячный дворецъ), который специально построено для этихъ церемоній, гдѣ ихъ встрѣтило много мелкихъ чиновниковъ.

Позади центра этого храма или дворца стоятъ очень длинный узкій столъ, на которомъ помѣщены дощечки Императора и Вдовствующей Императрицы, на которыхъ написано «Wan sway, wan sway, wan sway» (10.000 лѣтъ разъ, 10.000 лѣтъ разъ...). Сначала прибыли Юань—Ши—кай и прочіе официальные лица. Юань сталъ по лѣвую сторону этого стола, а прочіе встали въ двѣ линіи по старшинству, начиная съ переднихъ угловъ стола. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ мой отецъ и опустился на колѣни прямо передъ центромъ стола и сказалъ: «Ванъ слуга отдаетъ Вамъ привѣтствія». Когда это было окончено онъ всталъ и осведомился о здоровьи Ихъ Величествъ у Юань—Ши—Кая, который отвѣтилъ, что они совершенно здоровы. Этимъ закончилась церемонія.

Мы пробыли въ Тянь-цзинѣ три дня, а въ Пекинъ пріѣхали

29 числа сего м-ца. Здоровье моего отца значительно ухудшилось и онъ просилъ уволить его на покой на четыре мѣсяца, а за это время онъ надѣялся возстановить свои силы. Его просьба была удовлетворена Вдовствующей Императрицей. Такъ—какъ нашъ великолѣпный дворецъ, который былъ выстроенъ и меблированъ только что передъ отъѣздомъ въ Парижъ, сгорѣлъ во время Боксерскаго возстанія въ 1900 г., стоящій болѣе 100, 000 талей, поэтому мы наняли и поселились въ китайскомъ домѣ. Хотя нашъ прежній дворецъ былъ не совсѣмъ новый, когда мы купили его—это былъ очень прекрасный, старый дворецъ герцога, который мы посредствомъ искусныхъ перестроекъ и пристроекъ переделали на великолѣпный домъ въ иностранномъ стилѣ, оставивъ почти всю деревянную рѣзбу стараго дома. Употребляя слова «иностранный стиль» это значитъ, что не разрушая его совсѣмъ были сдѣланы только нѣкоторыя пристройки и перемѣнены двери, окна, корридоры, обстановка и пр. все это было сдѣлано по европейски, но снаружи же домъ и садъ чисто въ Китайскомъ вкусѣ. Нашъ дворецъ, какъ и всѣ остальные въ Пекинѣ, былъ построенъ по очень неопредѣленному фасову съ садомъ, занимающимъ 10 десятинъ земли. Къ сожалѣнію намъ пришлось прожить во вновь обставленномъ дворцѣ только четыре дня, а затѣмъ уѣхать въ Парижъ; тяжело было мнѣ роднымъ покидать такое великолѣпное мѣсто, потерявъ столько времени и денегъ на перестройку и украшенія его. Однако, это одно изъ многихъ испытаній какія приходится переносить высшимъ лицамъ въ Китаѣ.

Вообще постройка зданій въ Пекинѣ очень своеобразны, занимай большія пространства и нашъ первый дворецъ не представлялъ исключенія изъ этого правила. При немъ было шестнадцать маленькихъ одноэтажныхъ домиковъ, заключающихъ 175 комнатъ, устроенныхъ четырехугольникомъ фасадомъ во дворъ, которые въ общемъ составляли одно цѣлое; они такъ построены, что не нужно выходить изъ дверей, потому что они соединены между собой верандой, закрытой съ одной стороны стекломъ. Мой читатель, вѣроятно удивится и спроситъ на что можно употребить всѣ эти комнаты, но при нашей многочисленной семьѣ, множествѣ секретарей, китайскихъ писемоводителей, гонцовъ, слугъ, мафу, носильщиковъ не трудно занять ихъ всѣ.

Сады, окружающіе дома, были устроены въ Китайскомъ вкусѣ съ маленькими озерами, въ которыхъ плавали золотыя рыбки и росли великолѣпные цвѣты—лотоса, пересѣченныя мостами, а вдоль береговъ которыхъ росли плаучія ивы. Клумбы, вдуція вдоль по

дорожкамъ, которыя извиваются между озерами, были усыяны разными цвѣтами. Въ Юнѣ мѣсяцѣ 1899 г. когда мы поѣхали въ Парижъ сады были въ полномъ расцвѣтѣ и своей красотой удивляли всѣхъ, кто бывалъ у насъ.

Не имѣя своего мѣста въ Пекинѣ, мы не знали куда поѣхать, и мама еще изъ Тяньцзина телеграфировала одному изъ своихъ друзей нанять намъ домъ. После не многихъ безпокойствъ былъ найденъ очень знаменитый домъ, въ которомъ Ли-хунъ-чангъ подписывалъ договоры съ иностранными державами послѣ боксерскаго возстанія и гдѣ онъ умеръ. Намъ первымъ пришлось жить въ немъ послѣ смерти Ли-хунъ-чанга, такъ какъ Китайскій народъ очень суевѣренъ и боится, чтобы что-нибудь не случилось ужаснаго съ кѣмъ-либо изъ нихъ, кто займетъ его. Несмотря на предупрежденія друзей съ нами ничего не случилось и мы не видѣли никакихъ явленій.

Убытокъ, понесенный нами во время пожара, никогда не былъ оплаченъ, такъ какъ должностное лицо не должно жаловаться о своихъ личныхъ потеряхъ.

1 Марта 1903 г. Принцъ Цынъ и его сынъ Гзай-Чень прѣѣхали навѣстить насъ и извѣстить о томъ, что Ея Величество желаетъ видѣть мою мать, сестру и меня завтра въ Лѣтнемъ Дворцѣ въ 6 час. утра. На что моя мать возразила, что во время нашего пребыванія за границей мы носили только европейскіе костюмы и что у насъ ни у кого нѣтъ подходящихъ Маньчжурскихъ одеждъ, чтобы поѣхать на свиданіе съ Императрицей. Онъ отвѣтилъ, что онъ уже сообщилъ все о насъ Ея Величеству, а также упомянулъ объ европейскихъ костюмахъ въ которыхъ мы ходимъ, на что она сказала, что Маньчжурскій костюмъ не необходимъ для прѣѣзда во дворецъ, и она будетъ рада видѣть васъ одѣтыми по иностранному, что послужитъ для нее удобнымъ случаемъ для изученія одеждъ иностраннаго вкуса. Намъ съ сестрой было очень трудно рѣшить, что мы одѣнемъ для такого приѣма; она хотѣла одѣть ея голубое бархатное платье, такъ какъ ей казалось, что оно очень идетъ къ ней. Мама всегда дѣлала намъ платья одинаковыя съ тѣхъ поръ какъ мы еще были маленькими дѣвочками. Я же сказала, что я предпочитаю одѣть мое красное бархатное платье, такъ какъ я думаю, что оно болѣе другихъ понравится Ея Величеству. И послѣ долгихъ разсужденій я одержала верхъ. Подъ цвѣтъ платья въ мы одѣли очень красивыя красныя шляпы съ перьями, а также туфли и чулки. На мамѣ было красивое платье зеленоватаго цвѣта, одѣланное иѣжно пурпуровыми цвѣтами и такимъ же

бархатомъ, шляпа же у нея была изъ чернаго бархату съ длинными бѣлыми перьями.

Расстояніе между нашимъ домомъ и дворцомъ 36 китайскихъ ли (приблизительно три или четыре часа ѣзды) и такъ какъ единственнымъ удобнымъ способомъ передвиженія были носилки, поэтому мы рѣшили отправиться въ три часа утра, чтобы быть тамъ аккуратно къ 6 час., ибо это нашъ первый визитъ во дворецъ, поэтому извѣстіе о семъ привезенное Принцемъ Цяномъ доставило намъ много безпокойствъ и естественно что мы были очень озабочены о томъ, чтобы не опоздать. Я всегда мечтала о томъ, чтобы побывать во дворецъ, но до сего времени не удавалось, потому что я почти всю свою жизнь провела за границей. Другая причина сему та, что не пришлось раньше имѣть случая, потому что папа не записалъ насъ въ правительственную книгу о рожденіи Маньчжурскихъ дѣтей, вслѣдствіи чего Вдовствующая Императрица не знала, что Лордъ Ю-Кенгъ имѣетъ двухъ дочерей. Папа не записалъ насъ въ книгу, потому что желалъ дать намъ хорошее образованіе, а это можно было сдѣлать при томъ условіи, если не узнаетъ о семъ Вдовствующая Императрица. Кроме того, согласно Маньчжурскому обычаю, дочери всѣхъ Маньчжурскихъ чиновниковъ второго ранга и выше по исполненію имъ 14 лѣтъ должны поѣхать во дворецъ, чтобы Императоръ изъ числа ихъ могъ избрать себѣ жену второстепенныхъ, если онъ пожелаетъ; но у моего отца были другіе планы и онъ былъ очень самолюбивъ изъ—за насъ. Это было бы въ такомъ же родѣ, какъ Вдовствующая Императрица избрала для Императора Сіенгъ-фенъ.

Мы отправились въ три часа утра, когда было еще совершенно темно на трехъ носилкахъ, каждую изъ коихъ несли четверо кули. Для переѣзда такого длиннаго пути необходимо, конечно, было имѣть двѣ смѣны носильщиковъ. Это значитъ двадцать четыре кули для трехъ носилокъ не считая экстра кули, которые были старшими надъ носильщиками каждого кресла. Кроме того три офицера верхомъ на лошадахъ позади каждой изъ насъ и еще по двѣ слуги. Въ добавленіи къ чему еще три большихъ Китайскихъ телѣги, едуща позади за носилками, на которыхъ вѣшали кули, а также и для ихъ отдыха. Вся эта кавалькада состояла изъ 45 человекъ, девяти лошадей и трехъ телѣгъ.

Я была очень нервно настроена во время поѣздки при такой темнотѣ. Спокойствіе ночи нарушали только грубые голоса носильщиковъ, крича взадъ и впередъ своимъ товарищамъ, чтобы они были осторожнѣе съ камнями и выбоинами, что попадаются по до-

рогъ в которыхъ казалось нельзя было пересчитать, да стукъ лошадей. Мои читателямъ, которые не испытывали продолжительной поѣздки на посылкахъ, я скажу, что это самый неудобный способъ путешествія, т. е. вы должны сидѣть совершенно спокойно и чрезвычайно прямо, иначе кресло можетъ опрокинуться. Къ концу этой продолжительной поѣздки всѣ мои члены одеревѣли и очень устали къ тому времени, какъ мы достигли дворцовыхъ воротъ.

Китай Въ 1912 г.

Въ исторіи истекшаго года финансовый вопросъ преобладалъ надъ всеми остальными и добрая доля энергій китайскихъ республиканскихъ лидеров направлена была на получение денегъ на возможно болѣе выгодныхъ для Китая условіяхъ. Этотъ періодъ представляетъ собою также постепенное упроченіе власти Юань-Ши-кай. 1912 годъ начался среди замѣшательства и сомнѣній. 16 (29-го) декабря 1911 г. докторъ Сунъ-цзэнъ, незадолго передъ тѣмъ высадившійся въ Шан-хаѣ, былъ избранъ президентомъ временнаго правительства, образовавшагося въ Нанкинѣ, 20 дек. (2 января) вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Между тѣмъ въ Шанхаѣ тянулись мирные переговоры между императорскимъ делегатомъ Танъ Шао-и и докторомъ У Тунъ-фаномъ, принимавшіе не совсѣмъ понятный для большинства оборотъ. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ мирной конференціи было назначеніе делегатовъ отъ всѣхъ провинцій для обсужденія наиболее подходящей для Китая формы правленія. Судя по послѣдующимъ событіямъ, актъ этотъ являлся чистою формальностью, а мирные переговоры делегатовъ—одной комедіей. Сочувствіе Танъ Шао-и революціонерамъ ни для кого не было тайной и его отставка отъ должности делегата никого не удивила. Извѣстіе о томъ, что Юань Ши-кай получилъ отъ вдовствующей императрицы 3.000.000 ханъ для продолженія войны, не произвело особаго волненія, въ виду того, что имперскія войска были отозваны изъ Ханькоу. Ясно было, что Южный Китай всѣми силами будетъ противиться возстановленію императорской власти. Вопросъ въ данномъ случаѣ сводился къ тому, образовать ли

изъ Китая федеративный союзъ, или допустить раздѣлъ имперіи на двѣ отдѣльныя части: Сѣверъ, подъ властію Маньчжурской династіи, и Югъ, подъ главенствомъ президента. Въ концѣ декабря былъ опубликованъ составъ министерства, образованнаго въ Нанкинѣ, при чемъ оказалось, что докторъ У-тинъ-фанъ изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ въ министры юстиціи, а Вань Цунъ-яо совсѣмъ исключенъ изъ состава министерства. Причина этихъ перемѣненій такъ и осталась невыясненной. Но съ этого времени оба вышеупомянутыя лица, игравшія такую важную роль при началѣ революціи отстраняются отъ всякаго активнаго участія въ политикѣ. Одновременно съ образованіемъ министерства опубликованъ былъ торжественный манифестъ за подписью доктора Сунь-Вэня, обращенный ко всѣмъ державамъ, съ просьбою о признаніи республики, въ которомъ излагались причины революціи и давалось обѣщаніе соблюдать всѣ существующіе договоры, займы и концессіи.

Послѣдовавшій за этимъ періодъ времени посвященъ былъ преніямъ объ условіяхъ, на которыхъ династія могла отречься отъ власти и обсужденію положенія Юань Ши-кай.

Въ послѣднихъ числахъ декабря въ Пекинѣ по телеграфу сообщены были конечные результаты преній: императорская фамилія и князья удерживали свои титулы, собственность и могилы и получали содержаніе по цивильному листу; сверхъ того, императорская семья пользовалась правомъ свободнаго выбора резиденціи; маньчжурамъ, магометанамъ, жителямъ Туркестана и тибетцамъ предоставлялись права гражданъ китайской республики наравнѣ съ китайцами; за знаменными утверждались ихъ прежнія пенсіи.

Что же касается вопроса объ обсужденіи положенія Юань Ши-кай, то дѣло обстояло здѣсь значительно болѣе сложно. Переговоры, происходившіе по этому поводу, крайне темны, но, насколько можно прослѣдить событія, положеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Докторъ Сунь Вэнь, съ самаго начала отказавшійся отъ мысли сдѣлаться постояннымъ президентомъ, предложилъ, чтобы немедленно же было объявлено объ отреченіи династіи отъ трона, послѣ чего онъ тотчасъ же долженъ былъ подать въ отставку, а Юань Ши-кай—сообщить по телеграфу во всѣ провинціи о признаніи имъ республики. Но приверженцы военной партіи въ Нанкинѣ и кантонцы, находившіеся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Юань Ши-каемъ, настаивали, чтобы послѣдній сперва призналъ республику, и только при этомъ условіи они соглашались на за-

нятіе Юанемъ президентскаго поста. Кромѣ того, они требовали, чтобы Нанкинъ былъ сдѣланъ столицей.

Образованіе въ Пекинѣ, среди младшихъ князей, подъ предводительствомъ Тѣяна антиабдикаціонной партіи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней грозила лишить власти Юань Ши-кай, наглядно показываетъ то щекотливое положеніе, въ которомъ очутился Юань Ши-кай. Въ серединѣ января генераль Дуань Ци-жуй, совместно съ нѣкоторыми другими генералами сѣверной имперской арміи, телеграфировалъ императрицѣ, указывая на все безуміе дѣйствій нѣбольшаго сопротивленія и настаивая на немедленномъ отреченіи отъ престола. Актъ отреченія, составленный еще 22-го января, опубликованъ былъ только 30-го. Въ тотъ же день Юань-Ши-кай телеграфировалъ въ Нанкинъ о своемъ признаніи республики, а черезъ день послѣ этого докторъ Сунь Вэнь (Сунъяцзень) обратился къ нанкинскому правительству съ официальной нотой о своей отставкѣ.

2-го февраля единодушнымъ рѣшеніемъ временнаго правительства Юань-Ши-кай избранъ президентомъ, но при условіи переезда въ Нанкинъ и принесенія присяги на зѣрность республикѣ, а до тѣхъ поръ докторъ Сунь Вэнь и временный кабинетъ должны были оставаться у власти. Черезъ нѣсколько дней генераль Ли Юань-хунъ, уроженецъ Учана, былъ выбранъ вице-президентомъ при единогласномъ одобреніи какъ китайцевъ, такъ и европейцевъ.

Въ самомъ концѣ февраля, въ то время, какъ нанкинскіе делегаты находились въ Пекинѣ и всѣми силами старались убѣдить президента прѣхать въ Нанкинъ, въ столицѣ всцыхнулъ военный бунтъ, продолжавшійся около недѣли и распространившійся на Тяньцзинь и Баодяфу. Въ одномъ Пекинѣ было разграблено имущества на 3.000.000 фунтовъ.

Нѣкоторые склонны утверждать, что Юань Ши-кай не поколебался самъ вызвать этотъ бунтъ, чтобы доказать, на сколько необходимо было его присутствіе на сѣверѣ.

Какъ бы то ни было, но послѣдствіемъ этого мятежа было твердое рѣшеніе оставить всякую мысль о перенесеніи столицы въ Нанкинъ, чему также не мало способствовало обсужденіе вопроса о громадныхъ затратахъ, сопряженныхъ съ перенесеніемъ государственнаго механизма въ другой центръ. Спустя нѣкоторое время, Танъ Шао-и, назначенный министромъ-президентомъ, прибылъ въ Нанкинъ для веденія переговоровъ съ временнымъ правительствомъ.

Онъ представилъ собранію списокъ членовъ новаго кабинета.

каковой и былъ утверждень Сунь-Ванемъ. Въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ недѣль правительство незамѣтно перебралось изъ Нанкина въ Пекинъ, главнымъ же военнымъ начальникомъ южнаго Китая былъ оставленъ молодой генераль Хуанъ-Синъ, уроженецъ Хананя, начальникъ генеральнаго штаба, давно тайно работавшій на пользу революціи и находившійся подъ командой генерала Ли Юань-хуна.

16-го апрѣля президентъ Юань Ши-кай торжественно открылъ совѣщательную палату, которая должна была функционировать до назначенія срока парламентскихъ выборовъ. Въ рѣчи своей, сказанной имъ по этому случаю, Юань намекалъ на рядъ предстоящихъ реформъ финансовыхъ, податныхъ, земельныхъ и промышленныхъ, приглашалъ всѣ партіи объединиться въ идеяхъ мира и прогресса, подтвердилъ о твердомъ намѣреніи Китайской республики исполнять всѣ существующіе договоры и отдасть должное дружескому расположенію державъ и ихъ терпимости.

Вскорѣ послѣ открытія совѣщательной палаты среди членовъ открылись раздоры, предвѣщавшіе все новыя и новыя затрудненія. Сигналомъ для бури послужилъ бельгійскій заемъ заключенный Танъ Шао-и безъ вѣдѣнія и согласія палаты. Нападки на премьера были столь ожесточенны, что въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ бѣжалъ въ Тяньцзинь, откуда окончательно уѣхалъ въ Шанхай, по дорогѣ избѣжавъ покушанія на свою жизнь. Изъ Шанхая онъ увѣдомилъ о своей отставкѣ; премьеромъ на мѣсто него былъ назначенъ Лучженсянь, бывшій китайскій посланникъ въ Петербургѣ. На первыхъ же порахъ новому премьеру пришлось столкнуться съ оппозиціей. Дѣло въ томъ, что въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ крайняя партія, извѣстная подъ названіемъ Тунмэнхуй (федералистовъ-демократовъ), приобрѣла большую силу и вліяніе и стала держать себя крайне вызывающе. Партія эта, основанная докторомъ Сунь Ванемъ, съ момента бѣгства Танъ Шао-и рѣшила забрать власть въ свои руки. Съ этой цѣлью она приказала своимъ представителямъ, входившимъ въ составъ кабинета, выйти въ отставку, и наотрѣзь отказалась выбрать тѣхъ лицъ изъ своей партіи, которыя были назначены президентомъ, для замѣщенія выбывшихъ членовъ. Положеніе было настолько критическимъ, что Юань Ши-кай вынужденъ былъ въ частной аудіенціи сдѣлать членамъ Тунмэнхуя строгое внушеніе, чтобы они оставили всѣ партійные счета впредь до открытія постоянного парламента. Дѣло уладилось только черезъ нѣсколько дней, когда вмѣшались военные губернаторы провинцій и телеграфировали членамъ Тунмэнхуя, входившимъ въ составъ совѣ-

щательной палаты, угрожая употребить силу, если не будетъ принять новый кабинетъ. Сдѣлана была попытка обвинить новаго премьера въ примѣненіи военныхъ мѣръ противъ палаты, но въ тотъ день, когда должны были происходить дебаты по этому поводу, не составилось кворума, дѣло замялось и уже черезъ три дня члены совѣщательной палаты мирно разсуждали о необходимости замѣны китайскаго національнаго костюма европейскимъ. Насколько партія Тунмэнхуй отнынѣ находилась въ повиновеніи, доказываетъ казнь двухъ высшихъ военныхъ лицъ Хуанъ Хуй 'я и Чжанъ Чзинь-у, арестованныхъ въ августѣ мѣсяцѣ по приказу президента и разстрѣлянныхъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что оба были замѣшаны въ обширный заговоръ противъ правительства, но объ казни носятъ такой характеръ произвола, что партія Тунмэнхуй, чувствуя она подъ собою почву, не ограничилась бы слабыми протестами по адресу президента и вице-президента республики.

Негодование, вызванное русско-монгольской конвенціей, повело за собой отставку министра иностранныхъ дѣлъ, мѣсто котораго занялъ премьеръ Лучжэнсянь, который въ свою очередь, изъ-за осложненій по поводу займа Криспа, отказался отъ поста министра президента въ пользу Чжао Бинь-чуна. Волненія, вызванныя этими событіями, неминуемо сопровождались интригами въ совѣщательной палатѣ и борьбою партій, грозившей принять опасные размѣры.

Назначеніе г-на Моррисона, пекинскаго корреспондента Таймса, политическимъ совѣтникомъ при китайскомъ республиканскомъ правительствѣ приковало общее вниманіе.

Предложеніе непосредственно исходило отъ президента, при чемъ говорили, что одновременно съ этимъ подобныя же посты были предложены г-ну Дженксъ (Prof. Jenks), профессору чикагскаго университета, и г-ну Арига, профессору токійскаго университета; также обсуждался вопросъ о назначеніи сэра Франсиса Пигготъ юридическимъ совѣтникомъ; но до сихъ поръ ничего определеннаго по этому поводу неизвѣстно. Что касается законодательной работы, то еще до окончательнаго сосредоточенія административной власти въ Пекинѣ была составлена временная конституція, опубликованная въ мартѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ въ маѣ послѣдовало обнародованіе свода уголовныхъ законовъ, и тогда же палата рѣшила замѣнить лунный мѣсяцъ солнечнымъ, каковое нововведеніе однако не встрѣтило сочувствія въ народѣ. Весною же введена была реформа китайскаго телеграфнаго тарифа, при чемъ установленъ слѣдующій тарифъ: 12 центовъ за слово въ простыхъ телеграмахъ, 6 ц. для

телеграмъ иностранной прессы и 3 ц. за слово для прессы китайской.

Въ юнѣ въ первомъ чтеніи прошелъ законопроектъ о парламентскихъ правилахъ, а въ концѣ 1912 г. повсемѣстно начались парламентскіе выборы. Изъ другихъ законопроектовъ, обсуждавшихся въ совѣщательной палатѣ, слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе: законопроектъ о реформѣ провинціальныхъ податныхъ комитетовъ, законопроектъ о китайскомъ контролѣ надъ почтой, (до сихъ поръ находившейся подъ управленіемъ иностранцевъ) и, наконецъ, законопроектъ о гербовомъ налогѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить о рѣчи доктора Сунъ Вэня, обращенной къ различнымъ столичнымъ обществамъ, о необходимости единодушной поддержки президента; слѣдствіемъ чего было торжественное празднованіе годовщины основанія республики и шумныя оваціи, устроенныя Юань-Ши-каю при его появленіи на торжествахъ.

Съ самаго начала 1912 г. республиканской партіи пришлось испытать большія финансовыя затрудненія. Народная традиція о сложеніи податей съ народонаселенія на два года при каждой перемѣнѣ династии, традиція, еще болѣе усиленная самими республиканцами, неосторожно освободившими народъ отъ оброковъ на октябрь 1911 г. естественнымъ образомъ затруднила сборъ податей. Въ то же самое время первый порывъ добровольныхъ пожертвованій на военныя нужды прошелъ, а количество солдатъ въ провинціяхъ все возрастало.

Такимъ образомъ еще въ декабрѣ 1911 г. явилась мысль заключить заемъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ на 35.000.000 долларовъ подъ обезпеченіе промышленной собственности г. Учана, окончившаяся неудачей, по причинѣ явной невѣрности обезпеченія въ виду военнаго времени.

Въ январѣ 1912 г. удалось заключить заемъ на сумму 2.500.000 ланъ въ Японіи подъ обезпеченіе Ханьянскаго желѣзодѣлательнаго завода. Тогда же республиканское правительство обратилось къ «China Merchants S. N. Co», (Общество пароходства китайскихъ купцовъ) съ сенсационнымъ предложеніемъ немедленной передачи всей частной собственности этого общества для заключенія новаго десятимилионнаго (ланъ) займа. Требованіе это черезъ нѣкоторое время было видоизмѣнено въ томъ смыслѣ, что акціонеры названной кампаніи должны были согласиться уступить для обезпеченія займа свою собственность, каковая должна была быть возвращена своимъ владѣльцамъ по заключеніи правительствомъ новаго займа за границей. Многія японскія фирмы готовы были предложить свои услуги, но при быстрой смѣнѣ

событій, послѣдовавшихъ за отреченіемъ Маньчжурской династїи, планъ этотъ былъ замѣненъ другимъ, именно: нанкинское правительство предложило выпустить патріотическія облигаціи на сумму 100.000.000 долларовъ. Говорятъ, что этихъ облигацій въ провинціяхъ было выпущено на 14.140.405 долларовъ, правительство же получило не болѣе 546.470. Около того же времени, по слухамъ, изъ Нанкина было пущено въ оборотъ республиканскихъ асигнацій на 3.000.000 долларовъ. Въ серединѣ января фирма Messrs Diederichsen & Co., дала заимообразно 10.000.000 ланъ китайской торговой палатѣ въ Шанхаѣ на пужды республиканской партіи. Прежде чѣмъ приступить къ подробному обзору китайскихъ переговоровъ по поводу большихъ заграничныхъ займовъ, не безъинтересно будетъ упомянуть еще о займѣ для возобновленія г. Ханькоу, сдѣланномъ въ маѣ 1912 г. частью у американской фирмы «Robert Dollar Co.», частью же у китайцевъ острова Явы и проливовъ, а также о японскомъ займѣ въ размѣрѣ 2.000.000 долларовъ по 6 проц. заключенномъ въ г. Фучжоу въ ноябрѣ прошлаго года. Всѣ эти усилія добыть деньги какимъ бы то ни было способомъ ярко характеризуютъ то безденежье, въ которомъ очутилось республиканское правительство при самомъ своемъ возникновеніи, безденежье, бывшее для него камнемъ преткновенія въ продолженіе всего 1912 г.

Русская миссія въ Китаѣ.

(Бесѣда).

На этихъ дняхъ въ Петербургъ прїѣхалъ глава нашей православной миссіи въ Китаѣ— епископъ Иннокентій.

Редакція «Колокола», интересуясь трудами и жизнью миссіи въ величайшей языческой странѣ, поручила мнѣ добиться приѣма у владыки Иннокентія, и просить ознакомить съ положеніемъ нашей миссіи въ просыпающейся отъ тысячелѣтняго сна странѣ дракона. Отправившись въ Пекинское подворье на Воронежскую улицу, я просилъ доложить о себѣ владыкѣ, который былъ за вечернимъ чаемъ.

Высокій, цвѣтущій съ какимъ-то величавымъ спокойствіемъ, въ манерахъ, владыка вышелъ ко мнѣ, благословилъ, и узнавъ, что я отъ редакціи «Колокола», охотно согласился со мной побесѣдовать. Я получилъ истинное наслажденіе отъ бесѣды съ епископомъ Инно-

кентіемъ. Смиреніе и рядомъ съ нимъ сознаніе высокаго достоинства своего сана, краткость и ясность рѣчи, все это поражало меня въ моемъ собесѣдникѣ.

— Въ какомъ положеніи, владыко, началъ я бесѣду, — ваша благословенная миссія въ Китаѣ.

— Съ Божіей помощью, съ тѣми силами и средствами, которыя въ нашемъ распоряженіи, мы все-таки кой-что дѣлаемъ и къ счастью пользуемся симпатіями и уваженіемъ къ нашимъ заботамъ мѣстнаго населенія.

Нельзя, правда, не признать, что наша миссія въ сравненіи съ миссіями другихъ исповѣданій дѣйствуетъ слабо, причина этого въ отсутствіи средствъ и силъ.

Америка, Франція, Англія тратятъ на свои миссіи милліоны.

Ихъ миссіи обставлены большими силами, люди богатые, образованные.

Тамъ смотрятъ на миссіонерство, какъ на государственное, да еще первой важности дѣло.

Заграничныя миссіи сыграли огромную роль въ китайской революціи, но многія стороны этой революціи остались для Запада неразгаданной загадкой.

Вся подготовка къ перевороту была сдѣлана американскими миссіонерами. Первый президентъ китайской республики былъ ученикомъ протестантской американской школы.

Если бы и наше правительство смотрѣло на миссіонерскую дѣятельность нашей русской православной Церкви не съ узкой точки зрѣнія, что это только дѣло Церкви, а съ широкой государственной, тогда и наше вліяніе въ Китаѣ могло бы возрасти.

Проникнуть въ широкія массы населенія могли только миссіонеры Западныхъ державъ, въ особенности Америки, она миссіи тратитъ колоссальныя средства, у насъ же они черезъ край скудны.

Отсутствіе людей, — одно изъ самыхъ большихъ мѣсть нашей пекинской миссіи. А главная бѣда въ томъ, что въ нашей огромной Россіи даже нѣтъ такого учрежденія, которое подготовляло бы миссіонеровъ.

Наши миссіонеры все самоучки. Только то, что долгимъ горькимъ опытомъ на мѣсть пріобрѣтеть, и составляетъ его опору, только тѣмъ и пользуется.

Въ количественномъ отношеніи нашу миссію нельзя и сравнивать съ западно-европейскими. У нихъ миссіонеровъ десятки тысячъ, а у насъ... даже стыдно сказать... всего на всего семь человѣкъ!..

Незнание китайскаго языка, вовсе не такое препятствіе, которое могло-бы смущать желающихъ поработать на Божьей нивѣ, такъ какъ разговорный языкъ очень не труденъ.— Вся трудность китайской рѣчи заключается въ тонахъ, въ нюансахъ произношенія звуковъ. Вотъ эти тона, правда, даже и для меня представляютъ затрудненія.

Если бы черезъ газету «Колоколь» откликнулся на мой призывъ кто-нибудь изъ идейныхъ миссіонеровъ, я благодарилъ-бы Бога.

— Ну, а какое отношеніе встрѣтили вы, владыко, въ нашихъ сферахъ къ вашему дѣлу—вашей миссіи?

— Къ сожалѣнію, вездѣ полное безразличіе— Какъ видно здѣсь абсолютно не заинтересованы положеніемъ православной миссіи въ Китаѣ.— Какъ не понимать, какія величайшія задачи предлежатъ Россіи по отношенію къ Китаю!

Въ одномъ только В. К. Саблерѣ встрѣтилъ я то, что откровенно говоря, уповалъ встрѣтить вездѣ.

— Чѣмъ же, владыко, объясняете вы столь грустное явленіе?

— Исключительно нашей неосвѣдомленностью.

У насъ легкомысленно относятся къ тому, что Россіи придется серьезно считаться съ возрожденнымъ Китаемъ.

Китайцы—народъ очель способный. Даже евреи и тѣ отказались съ ними конкурировать.

Намъ необходимо близко познакомиться съ ними, изучить ихъ, а послѣднее возможно только при помощи миссіонеровъ.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи, можно было бы сблизить страны.

Китай въ своей массѣ больше тяготѣетъ къ православію, чѣмъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ.

Это доказывается напр. тѣмъ, что извѣстный протестантскій миссіонеръ Эвансъ въ личной бесѣдѣ со мной просилъ разграничить сферу дѣятельности, такъ какъ онъ сдѣлалъ наблюденія, что тамъ, гдѣ воздвигались православныя школы, китайцы отъ нихъ переходили къ намъ.

Такое явленіе наблюдалось повсемѣстно и въ концѣ-концовъ протестантскіе миссіонеры возстали противъ православія.— Въ своихъ проповѣдяхъ они увѣряли китайцевъ, будто въ дѣлѣ насажденія православія, русскими руководятъ совсѣмъ не религіозныя задачи, а политическія и указывали китайцамъ на наши дѣйствія въ Монголіи.

Но несмотря на то, что китайцевъ запугиваютъ нашимъ движеніемъ въ Монголію, и что изъ Монголіи мы не преинемемъ по-

тянуться и за Сѣвернымъ Китаемъ, тѣмъ не менѣе китаецъ тяготеетъ къ русскому. Привлекаетъ китайцевъ русская простота и безхитрость.

Вотъ на этомъ основаніи я и говорю, что для проповѣди православія намъ, русскимъ, въ Китаѣ очень благодарная почва.

Христіанство въ Китаѣ распространяется и среди уже китайскихъ сановниковъ не мало христіанъ. За послѣднее время упорно держится слухъ, что и президентъ временнаго китайскаго правительства, Юань-Ши-кай, тоже готовъ принять христіанство, хотя протестантство, или католичество, а не православіе.

— А какъ велика православная паства въ Китаѣ?

— За десять лѣтъ въ православіе обращено 4. 000 китайцевъ.

— Каковы они, какъ христіане?

Въ 1900 г. 200 человекъ китайцевъ пострадали за вѣру Христову мученической кончиной.

И легко могли бы избѣгнуть мученій, только стоило имъ отречься отъ православія, — однако не отреклись, — стойко выдержали всѣ пытки.

Такіе факты яснѣе-яснаго доказываютъ, что вездѣ есть дѣти Божіи.

И помяните мое слово, что Китайъ въ будущемъ, какъ христіанинъ, еще скажетъ свое слово.

При нашихъ трудахъ по миссіи большую пользу приноситъ Евангеліе, надъ переводомъ котораго на китайскій языкъ немало потрудился митрополитъ кievскій Флавіанъ. — Евангеліе изложено популярнымъ китайскимъ языкомъ съ толкованіемъ.

Изъ вновь обращенныхъ китайцевъ являются часто пламенные проповѣдники.

— Каково отношеніе китайскаго правительства къ вашей миссіи?

— Очень хорошее. Мы живемъ мирно и пользуемся ихъ вниманіемъ.

Вотъ 17 лѣтъ, какъ я посвятилъ себя миссіи въ Китаѣ и чувствую себя прекрасно.

Часто путешествую на осликѣ верхомъ въ глубь страны.

Вся моя забота объ устройствѣ миссіи. — Сейчасъ, слава Создателю, она въ многомъ оборудована. — При миссіи ремесленныя школы и разныя техническія производства: — печатное дѣло, ткацкая, мыловаренное, мукомольня, своя словолитня, кот. сейчасъ занята отливкой китайскихъ шрифтовъ и знаковъ, которыхъ, какъ

вы навѣрное знаете, до 50 тысячъ. — Если все эти шрифты покупать, то надо было затратить огромный капиталъ.

Изъ всѣхъ миссій — наша оборудована разнороднѣе всѣхъ. Еще немало интереснаго услышалъ я отъ владыки въ продолжительной бесѣдѣ.

Вѣстникъ экз. влѣдъ и втѣвнвстводрпвв влѣтв влѣтв о С. В. А — вк.

„Кол“ ендлвев вк втвнвстводрпвв влѣтв о С. В. А — вк.

вк отвквѣтвнв отвннвстводрпвв влѣтв о С. В. А — вк.

втвх вквнвстводрпвв влѣтв о С. В. А — вк.

Въездъ Французскаго и Англійскаго

Посланниковъ въ Пекинъ

(изъ дневника члена Пекинской Миссіи).

13-го Марта назначенъ былъ въездъ сюда обоихъ иностранныхъ посланниковъ. Наканунъ они должны были ночевать въ Тунъ-чжоу (въ 20 верстахъ отъ Пекина), гдѣ ожидалъ ихъ уѣхавшій впередъ князь Г. Уэдъ (Китайскій секретарь Англійскаго посольства), и наканунъ же тутъ отправились къ нему навстрѣчу оба первые секретари обоихъ посольствъ: Г. Кнечковскій и Р. Кентъ-кифъ, первый въ носилкахъ, послѣдній верхомъ. Пользуясь такимъ прекраснымъ случаемъ, нѣкоторые изъ нашихъ тоже стоворились ѣхать за городъ и поглядѣть; но затрудненіе состояло въ томъ, что неизвестно было, какими именно воротами долженъ былъ совершиться въездъ: воротами ли Цы-хуа-мынь (средними), откуда идетъ каменное шоссе прямо къ Тунъ-чжоу, или воротами Ша-го-мынь и Хада-мынь (на югъ отъ среднихъ), откуда идетъ почтовая дорога прямо въ Тянь-цинъ, оставляя Тунъ-чжоу въ сторонѣ. Сами оставшіеся Англичане также не знали того навѣрное. Но такъ какъ всего скорѣе можно было думать, что посланники въѣдутъ послѣдними воротами, слѣдуя обыкновенію всѣхъ Китайцевъ военнаго полета: то компанія наша отправилась по направленію къ нимъ.

Все показывало, что гостей ожидали съ этой стороны. Пыльная уличная дорога, ведущая къ воротамъ, была подровнена, укатана, полита водой и перегорожена обрубками и старыми телегами для воспрепятствованія постороннимъ ѣздить по ней. Пустыя въ обыкновенное время полицейскія будки и лачужки биткомъ набиты были народомъ, среди которыхъ торчало многое множество шариковъ (т. е. чиновниковъ); оборванные, чуть не нагые въ обыкновен-

ное время кань-цзѣ-ды (иолисмены Пекинскіе) переодѣты были на этотъ разъ изъ лохмотья въ доскуты и всѣ щеголяли въ большихъ форменныхъ шапкахъ. По сторонамъ среди огромной толпы народа, продававшего и покунавшего по случаю Китайскаго 15-го числа, - день открытія кумиренъ и ярмарокъ, - замѣтно было множество физиономій, собравшихся съ болѣе эстетической цѣлью, - поглядѣть. Изъ будки у самыхъ воротъ вышли при нашемъ приближеніи сначала синій, а потомъ даже красный шарики, какъ видно оба вольные, -- что по переводу на наши чины выйдетъ: полковникъ и генераль. Не успѣли мы подумать, что «вотъ моль какая нынѣшняя, готовная встрѣча!» какъ вдругъ синій шарикъ по фамиліи Юнь, въ которомъ я узналъ прежняго давнишняго знакомаго ловко подскокиль къ намъ, сдѣлавъ китайскій книксенъ и, принавъ насъ, какъ видно, за Англичанъ, спросилъ, какими воротами и когда въ какомъ часу должны пріѣхать Да-жэни (вельможи). Признаться, мы только что хотѣли спросить о томъ его самого; и потому оставшись довольны, что не концпроментировали себя подобнымъ вопросомъ, и пустивъ ему въ отвѣтъ холодно-убійственное бучи-дао (не знаю), выѣхали за ворота. Трудно представить себѣ толпу, какая двигалась во всѣхъ направленіяхъ по длинному предмѣстью за городомъ. На этотъ разъ, по случаю 15-го числа мѣсяца, находящаяся тамъ кумирня Дунъ-йю-мао была открыта и въ ней производилась кунля и продажа; а потому сюда стекался цѣлыми тысячами народъ изъ города и окрестностей, и народъ болѣе или менѣе нарядный, по случаю ярмарки. Для такого торжественнаго дѣла, какъ въѣздъ посланниковъ, нельзя было придумать лучшей обстановки и болѣе широкой, такъ сказать, популярности. Добравъ до моста, называемаго Да-цяо (большой мостъ), гдѣ оканчивается предмѣстье и дорога раздѣляется на двѣ части: каменную и просто земляную, по которой больше и ѣздить за неудобствомъ ѣзды по каменной -- мы, подобно сказочнымъ героямъ, поставленіе отчасти въ туникъ, по которой именно ѣхать, чтобы не разѣхаться съ повозомъ. Подумавъ немножко, мы придумали въ избѣжаніе толпы, которая нлыла за нами цѣлою волной, отѣхать на нѣкоторое разстояніе по дорогѣ земляной, а затѣмъ остановиться и подождать, выбравъ такой выгодный постъ, откуда видно было и на дорогу каменную. Но какъ извѣстно каждому по опыту, всякое ожиданіе ужасно какъ растягиваетъ время, а кладбище, гдѣ остановились мы, такъ далеко углубилось въ сторону, что намъ рѣшительно ничего не видно было на другую дорогу. Пождавъ и поскучавъ мы рѣшили возвратиться назадъ къ мосту и, чтобы провести вре-

ми послѣднее, поѣхали по дорогѣ каменной, болѣе оживленной и многолюдной. Вдругъ позади насъ появился одинъ мистеръ Англичанинъ, ѣхавшій навстрѣчу посланнику. Присутствіе его здѣсь подтвердило нашу мысль, что гости будутъ съ этой стороны, но въ то же самое время испортило намъ аппетитъ гулять далѣе потому что неловко какъ-то вертѣться въ роли праздношатающагося предъ глазами человѣка, который служить лицомъ дѣйствующимъ: иначе лицо дѣйствующее можетъ, пожалуй, обратиться въ лицо сострадательное, и лучше сказать, страдающее самой плачевной фізіономіей. (Этотъ Господинъ Эткинсъ только что наканунѣ солгалъ, сказавши, что отправляется въ Тунъ-чжоу на встрѣчу. Затѣмъ, чтобы поправиться, при встрѣчѣ съ нами тоже сказалъ, что поѣдетъ до Тунъ-чжоу, и не поѣхалъ). А потому, раскланявшись съ мистеромъ и пропустивъ его впередъ, мы воротились назадъ. Скоро компанія наша раздѣлилась на двѣ части: одна отправилась просто-на-просто на Сѣверное Подворье, и не желая и видѣть поѣзда, а другая рѣшилась во что бы то ни стало ожидать и дождаться, и во избѣжаніе встрѣчъ толпы, укрылись въ небольшой кумирнѣ, находившейся въ сторонѣ отъ дороги. Съ чиновникомъ пишущимъ нерѣдко бываетъ такъ, что онъ, думая говорить объ одномъ, рассказываетъ совсѣмъ о другомъ: думая, на примѣръ, рассказать какую-нибудь исторію, излагаетъ на самомъ дѣлѣ свое впечатлѣніе, такъ что изложеніе существа дѣла выходитъ краткое, тогда какъ предисловіе занимаетъ цѣлыя страницы. Но что ему прикажете дѣлать, когда и на самомъ дѣлѣ происходитъ именно такъ, какъ выходитъ на бумагѣ? Мы, на примѣръ, цѣлый день провели собственно затѣмъ, чтобы посмотрѣть вѣздъ: вѣздъ и былъ; но онъ продолжался не болѣе полчаса, между тѣмъ сколько впечатлѣній другихъ, постороннихъ главному предмету, т. е. вѣзду, но близкихъ къ намъ, видѣвшимъ вѣздъ. Какъ не рассказать ихъ, если они имѣютъ свою долю интереса и притомъ современны главному разсказу! Я имѣю въ виду кумирню, въ которой остановилась часть нашей компаніи. Снаружи она была совершенно мизерная; внутри тоже, повидимому, не имѣла ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что въ ней было чисто, вопреки обыкновенію китайцевъ содержать кумирню въ пыли, и еще того, что идолы съ своей обстановкой недавно подновлены, о чемъ и гласила вывѣшенная при входѣ доска съ именами добротныхъ жертвователей и количествомъ пожертвованій. А между тѣмъ она пользовалась, какъ оказалось послѣ, огромной славой и была своего рода чудомъ въ Китаѣ. Въ чемъ же, вы думаете, заключалась ея знаменитость и чудесность? Въ томъ, что идолъ духа

земли, которому посвящена она, возсѣдалъ тамъ среди двухъ женъ, или точнѣе сказать, по бокамъ его поставлены двѣ статуи одной его супруги. По словамъ Китайцевъ, въ цѣлой вселенной (тянь-ся) нѣтъ другой такой кумирни: потому что во всѣхъ прочихъ обыкновенно истуканъ этого духа стоитъ съ одной супругой. Но что означаетъ] этотъ] двойникъ и какое онъ имѣетъ религіозно-историческое начало, этого никто изъ Китайцевъ не могъ объяснить, не исключая и самаго хэ-шана (монаха) при кумирнѣ. Интересно также знать было, что значили двѣ небольшія сложенные изъ кирпича и обмазанныя глиной пристройки у стѣны въ видѣ наръ. Оказалось, что это были просто могилы. Въ Китаѣ обыкновенно каждое, сколько нибудь достаточное, семейство имѣетъ свое особенное наследственное кладбище. Но если кто умретъ вдали отъ родины, или умретъ человекъ, неизмѣющій такого кладбища, то его не зарываютъ пока въ землѣ, а просто ставятъ въ какой-нибудь кумирнѣ и замазываютъ, и онъ хранится тамъ, пока родственники покойнаго не перенесутъ праха его на кладбище предковъ, или не устроятъ новаго, если его нѣтъ.

Мы остановились въ кумирнѣ, чтобы скрыться отъ взоровъ постороннихъ и дожидаться поѣзда; но видно день этотъ по китайскому календарю былъ несчастный: ни того, ни другого не удалось намъ. Около кумирни тотчасъ же образовалась толпа китайцевъ, и такъ какъ мы заперли ворота, то жадно прилипла ко всѣмъ щелямъ, а мало-мальски ловкіе въ матросскомъ искусствѣ, преимущественно мальчишки, полѣзли на стѣны, чтобы взглянуть на бѣлыхъ чертей (бай гуй-цза), какъ называютъ здѣсь Европейцевъ. Мелкіе разнощники воспользовались случаемъ и обставили кумирню всякой всячиной. Скоро мы очутились въ осадномъ положеніи, и двери начали трещать отъ напора любопытныхъ, лѣзшихъ впередъ и давившихъ другъ друга. Впрочемъ, штурмъ не представлялъ никакой опасности, потому что при первомъ движеніи съ нашей стороны встать, стѣны тотчасъ пустѣли, мальчишки валились за бортъ, и осаждавшіе разсыпались во все стороны съ быстротою ртути. Послѣ длиннаго и бесполезнаго ожиданія, разъѣзжавшій взадъ и впередъ мистеръ, замѣтивъ наше убѣжище, подѣхалъ къ намъ и объявилъ, что, по его предположенію, посланники вѣдуть, если уже не вѣхали, другими воротами. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ воротиться назадъ въ городъ, или ѣхать къ другимъ воротамъ, либо просто убраться домой; мы избрали послѣднее, какъ самое комфортабельное. При вѣздѣ въ ворота, знакомый уже прежде, синій шарикъ опять вышелъ къ намъ навстрѣчу, чтобы пов-

торить прежній вопросъ; мы отвѣтили ему гипотезою, о другихъ воротахъ и отправились въ Подворье. Оказалось, что посланники въѣдутъ воротами Ша-го-мынь и Ха-да-мынь (Трудно объяснить, почему они не въѣхали первыми воротами Кнечковскій, на примѣръ уѣхалъ имъ на встрѣчу воротами Ця-хуа-мынь. Можетъ быть ихъ испугала ѣзда по шоссе и не хотѣлось ѣхать нѣсколько лишнихъ верстъ, если бы они поѣхали къ имъ (воротамъ) и придутъ притомъ не вмѣстѣ, какъ ожидали прежде, а порознь, и именно: французскій въ тотъ же день, а англійскій на другой. (Еще труднѣе объяснить, почему они не въѣхали вмѣстѣ, такъ какъ извѣстно, что они выѣхали вмѣстѣ изъ Тянь-цзина. Вѣроятно, имъ хотѣлось, чтобы Китайцы не сливали ихъ въ своихъ понятіяхъ, а представляли бы отдѣльно. Въздѣ первымъ Французскаго посланника можно объяснить тѣмъ, что въ тотъ день былъ праздникъ Благовѣщенія, и посланникъ хотѣлъ произвести впечатлѣніе на умы китайцевъ-католиковъ, между которыми дѣйствительно идутъ толки о томъ). Дорожитья встрѣчею было нечего, потому что м-ръ В. ѣхалъ съ супругой, а супруга его должна была пріѣхать въ четверомѣстной тяжелой коляскѣ (коляска эта взята изъ нашего Подворья), съ которой по китайскимъ дорогамъ и узкимъ колесамъ нельзя было катиться по-почтовому. Когда мы вторично выѣхали изъ Подворья, было уже около пяти часовъ вечера. Надобно отдать справедливость китайцамъ, что они обладаютъ инстинктомъ угадывать, гдѣ именно монно постоять и поглазѣть. Мы — иностранцы, да не знали, откуда пріѣдутъ гости; а китайцы еще съ утра стояли толпой около воротъ и за воротами Ха-да-мынь, и по улицѣ, гдѣ должны были проѣхать посланники, въ дворы и заборы усыпаны были любопытными. Долгимъ ожиданіемъ китаецъ также не скуденъ: онъ готовъ простоять и простоять на одномъ мѣстѣ цѣлыя сутки, если только впереди его ждетъ перспектива поглазѣть; и это вовсе не подвигъ для него: онъ привыкъ не торопиться и не торопиться при самомъ даже бездѣльи. Но любопытна постепенность, съ какою представляла себѣ невѣжественная толпа то, что происходило вокругъ нее. Около Французскаго подворья сказали еще, что пріѣдетъ что-то важное, и одни говорили, что самъ Го-ванъ, т. е. Князь-правитель государства; другіе, что просто князь, или вельможа; слово посланникъ не охотно вообще произносятъ китайцы, когда говорятъ объ иностранцахъ. Около воротъ Ха-да-мынь уже не знали, кто и что, а только знали, что кто-то и что-то. Когда я выѣхалъ за ворота и остановился около стѣны, а вдали вдоль ея показалась темная, по-

лоса какого-то поѣзда, то въ толпѣ, не преминувшей окружать меня, на вопросъ, кого я жду, раздался самый ясный категорическій отвѣтъ: «какъ кого? онъ выѣхалъ встрѣчать свои товары, которые въ силу новаго трактата позволено имъ провозить сюда». Мнѣ такъ забавнымъ показалось подобное объясненіе, что я не могъ удержаться отъ смѣха, при чемъ вѣдѣ за мной грохнула хохотомъ и вся масса. Послѣ чего я счелъ долгомъ объяснить имъ, что дѣло не въ товарахъ, которые могутъ пріѣхать сами безъ встрѣчи, а въ томъ, что сюда ѣдетъ Посланникъ Великаго Французскаго Государства. Для Китайца слово посланникъ (цинъ-чай), высочайше посланный другого государства, звучитъ какъ то странно: онъ признаетъ своего Богдыхана выше всѣхъ на свѣтѣ, а вотъ тутъ еще есть посланникъ тоже откуда-то сверху. Притомъ, по своему наиболее употребительному смыслу, слово это отзывается чѣмъ то военнымъ. «Что же это значить? Зачѣмъ сюда посланникъ? Что онъ на время или навсегда?» Цѣлая куча вопросовъ зашевелилась въ головахъ толпы и уже готова была посыпаться на меня; но я, предвидя это, отретировался назадъ въ городъ.

Скоро появился въ воротахъ бѣлый шарикъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ; онъ быстро соскочилъ съ лошади и чуть не бѣгомъ бросился въ будку. Изъ будки немедленно высыпала еще толпа полицейскихъ въ прибавку тѣмъ, которыхъ не одинъ десятокъ расхаживали по улицѣ. Скоро показались изъ воротъ ожидаемые гости, но не посланникъ, а переводчикъ при посольствѣ м-ръ М.; онъ ѣхалъ съ однимъ изъ студентовъ китайскаго языка въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. А потомъ спустя нѣсколько минутъ показался офицеръ, вѣроятно обозный, потому что вѣдѣ за нимъ ѣхалъ обозъ съ вещами подъ присмотромъ нѣсколькихъ пѣшихъ солдатъ съ ружьями въ рукахъ. Посланника все еще не было; онъ оставался далеко позади. Между тѣмъ въ будкахъ около воротъ проходила страшная суматоха: полицейскіе то выбѣгали оттуда, то опять вбѣгали туда. Это была, такъ сказать, настоящая Пекинская кавалерія съвиная впрочемъ на лошадей и нанявшая ихъ за нѣсколько чоховъ только на сей важный случай. Она выслана была за городъ яко бы для встрѣчи; но умыселъ совсѣмъ другой тутъ былъ. Назначеніе ея, равно какъ и смыслъ всей суматохи около будокъ просто-на-просто состоялъ въ томъ, чтобы считать, сколько пріѣдетъ народу, дабы не было бы, чего избави Богъ, лишнихъ людей, въ видѣ контробанды. Въ будкѣ, какъ намъ сказали тогда, сидѣлъ даже самъ полицмейстеръ; онъ былъ поутру около воротъ Цы-хуа-мынь, а послѣ нашего отвѣта отправился къ этимъ воро-

тамъ. И все это вовсе не для встрѣчи какой-нибудь, а просто для личнаго наблюденія и повѣрки счета: дѣло было дѣйствительно важное, о немъ сдѣлать немедленно докладъ куда-нибудь повыше. Не обошлось, впрочемъ, и безъ церемоній: посланниковъ провожалъ изъ Тянь-цаина тамошній областной прокуроръ (дао-тай) по фамили Сунь, — (Тутъ ошибка. Посланниковъ провожалъ не Сунь, а синій военный шарикъ, чинъ равняющійся полкознику или майору.) тотъ самый, котораго докладъ, гдѣ союзники, вопреки трактату, еще разъ названы варварами (и-жэнь), помѣщенъ недавно въ Пекинской газетѣ.

Стало наконецъ уже смеркаться; но ворота, вопреки обыкновенію, не заперлись въ ожиданіи вѣзда. Запоздашіе въ городѣ загородные гости, работники и извозчики, спѣшившіе выбраться вонъ, съ радостію видѣли, что это еще возможно для нихъ, и стремились летѣли въ ворота, а любопытная толпа все еще терпѣливо стояла на одномъ мѣстѣ, убывая тѣми, которые вспоминали о забытой кашѣ (ужинѣ), и прибывая тѣми, которые уже покончили съ нею. Часовъ около семи вдругъ сдѣлалась суматоха около будокъ, за воротами раздался рожокъ французскаго трубача, означавшій близость, и затѣмъ сначала показалась толпа кавалеристовъ съ саблями наголо, потомъ трое носилокъ (Въ первыхъ сидѣлъ самъ посланникъ, во вторыхъ его супруга, въ третьихъ, Г. Ключковскій) также съ кавалеристами и саблями по флангамъ, и наконецъ нѣсколько телѣгъ съ людьми и вещами. Поездъ не шелъ, а просто летѣлъ на всѣхъ парахъ, и уморительно было видѣть, какъ китайцы, прижавшись сплошной массой къ дорогѣ и прилипнувъ другъ къ другу, то подавались назадъ при видѣ всадниковъ и блестящихъ клинковъ, то подступали впередъ и кланялись до пояса, чтобы заглянуть въ носилки. Напрасно! при блѣдномъ свѣтѣ луны они видѣли только какія то фигуры въ видѣ грозныхъ тѣней, смыслъ и значеніе которыхъ остались загадкою для горькаго взгляда самихъ полицейскихъ. Поездъ кончился, а ворота не заперли и толпа не расходилась: не доставало еще коляски, въ которой ѣхала М-ме Б. Но коляска испортилась дорогой, М-ме Б. пересѣла въ носилки, и скоро было дано знать, что коляска останется за городомъ. Забавно было видѣть отчаяніе полицейскихъ: имъ было дано знать, что пріѣдетъ слишкомъ тридцать чело-вѣкъ, а они насчитали вдругъ до сорока, (Они забыли, что въ числѣ пріѣхавшихъ были и уѣхавшіе для встрѣчи изъ Пекина), да еще нашли, что вѣхали двѣ женщины. (Какъ кажется, они приняли за женщину Г. Кичковскаго, за урядъ М-ть Б., за кото-

раго онъ ѣхалъ). Ворота заперли; толпа стала расходиться, а они долго еще бѣгали и спрашивали другъ друга, совѣтуясь, какъ доложить и объяснить, чтобы вышло какъ слѣдуетъ.

Въѣздъ на другой день Англійскаго посланника представлялъ картину въ другомъ стилѣ, нѣчто въ родѣ контраста. Онъ совершился, во первыхъ, не вечеромъ, какъ наканунѣ, а именно въ то время, какъ заранѣе было назначено, то-есть въ два часа по-полудни. Поѣздъ, во вторыхъ, состоялъ изъ однихъ иностранцевъ: ни шариковъ, ни полицейскихъ не было наперед; да и у кого достало бы духу, по выраженію китайцевъ, ѣхать наперед, когда въ тылу цѣлая куча хэй-гуй, цзювъ—черныхъ чертей, то-есть сейковъ? Французскій посланникъ пріѣхалъ въ носилкахъ, Англійскій—верхомъ (Можетъ быть, онъ уступилъ ихъ М-мъ Б. послѣ того, какъ сломалась коляска, или даже въ Тянь-цзинѣ. Носилокъ у Англійскаго посланника не видно) и даже въ цѣломъ поѣздѣ не было носилокъ. Тамъ сначала прибылъ обозъ, потомъ поѣздъ; здѣсь сначала поѣздъ, за которымъ слѣдовалъ уже обозъ. Тамъ впереди каваллерія, затѣмъ посланникъ; здѣсь впереди посланникъ, и за нимъ уже каваллерія. Поѣздъ открывалъ молодой человѣкъ, будущій синологъ и драгоманъ; за нимъ слѣдовали два кавалериста; въ срединѣ посланникъ рядомъ съ переводчикомъ, за нимъ два офицера, отрядъ сейковъ и наконецъ обозъ. Поѣздъ двигался мѣрно и стройно и хотя не имѣлъ грознаго вида обнаженныхъ сабель; по немъ проглядывала спокойная самоувѣренность и сознание собственнаго достоинства. Впрочемъ, это понятно было бы только для Европейца, но вовсе не для Китайцевъ. Для нихъ посланникъ не мыслимъ иначе, какъ только въ носилкахъ; тѣмъ болѣе что они видѣли носилки болѣе, чѣмъ на двадцати плечахъ (Лорда Эньша. Самъ Богдыханъ ѣздитъ въ носилкахъ только при 8 носильщикахъ 20 человѣкъ носильщиковъ—дѣло неслыханное въ Китаѣ, и Китайцы смѣются теперь, говоря, что это несли гробъ. Дѣйствительно только при однихъ погребальныхъ принято употреблять здѣсь много носильщиковъ), видѣли даже въ носилкахъ и не посланниковъ, а немножко поменьше; (напримѣръ, Г. г. Мернтакса, Кичковскаго и другихъ), и потому любопытство ихъ далеко не удовлетворено было пріѣздомъ нѣсколькихъ всадниковъ, тѣмъ болѣе, что они ожидали видѣть не десятки, а по крайней мѣрѣ сотни, если не тысячи всадниковъ. Поэтому, не смотря что поѣздъ кончился, любопытная толпа какъ стояла, такъ и осталась стоять, простояла на одномъ мѣстѣ до самаго вечера, обращаясь къ каждому прохожему и проѣзжему съ вопросомъ, скоро ли пріѣдетъ посланникъ, или лучше сказать, носилки.

Какимъ вообще первымъ впечатлѣніемъ отразился въ Пекинѣ прїѣздъ сѣзскихъ посланниковъ? Самимъ собою разумѣется, что страхомъ и самыми нелѣпыми слухами. Одни полицейскіе знали количество народа, прїѣхавшаго съ посланниками; но толпѣ любопытныхъ, глазѣвшихъ на поѣздъ, которой вовсе было не до того, чтобы заниматься простымъ арифметическимъ счетомъ, — количество это было неизвѣстно, и при свойственной Китайцамъ трусливости, оно навѣрное казалось ей втрое. Чѣмъ дальше отъ центра къ окружности, тѣмъ цифра возрастала, особенно въ устахъ людей, которые не были свидѣтелями вѣзда. Такимъ образомъ около такъ называемаго Динъ-сы-пай-ло (восточныхъ четырехъ воротъ внутри города), въ разстояніи двухъ верстъ слишкомъ, говорили на другой день, что прїѣхало двѣ-три тысячи человекъ; а около Си-сы-пай-ло (западныхъ четырехъ воротъ, въ разстояніи пяти слишкомъ верстъ, говорили уже, что четыре тысячи, и что самъ полицмейстеръ встрѣчалъ союзниковъ у воротъ, стоя на колѣняхъ. Не думайте, чтобы это говорила только толпа, китайскій плебсъ; нѣтъ, объ этомъ рассказывали люди грамотные, проглотившіе Конфуція и Манъ-цау и знающіе наизусть всѣ стихотворенія древнихъ поэтовъ.

Членъ Пекинской Миссіи Аонасій Поповъ.

1861-го года

Марта 26-го дня.

Пекинъ.

Дневникъ веденный съ 1831 года.

15-ое Февраля Воскресеніе.

Въ 8 часовъ утра 1^о холода. — Съ полдня поднялся сильный СЗ. (Nw) вѣтеръ, который утихъ не прежде вечера, въ 11 час. по вечеру ртуть на точкѣ замерзанія. Ночь лунная — ясная. По утру въ 9 часовъ по случаю воскреснаго дня отправлена была божественная литургія О. Даниломъ. Въ церкви былъ одинъ изъ Албаинцевъ Даміанъ, прїѣхавшій вмѣстѣ изъ сѣвернаго храма съ Алексѣемъ Исановичемъ Мереазъ силу и я былъ у обѣдни, но предполагаемую поѣздку рѣшили оставить до другого времени, тѣмъ болѣе, что съ 11 часовъ поднялся сильнѣйшій СЗ. вѣтеръ. По утру

пріѣхалъ къ І. П. племянникъ Фоевскій съ просьбою, чтобы показали ему Португальскій южный монастырь.—Его пригласили къ Архимандритскому столу, а послѣ обѣда, извѣстивъ предварительно епископа, І. П. возилъ его въ оный храмъ.—Часомъ въ 5 я зашелъ къ І. П. и засталъ ихъ уже возвратившихся. П. Е. сообщилъ мнѣ, что у нихъ до моего прихода былъ разговоръ о разныхъ здѣшнихъ чародѣяхъ.—Племянникъ рассказывалъ весьма многія любопытныя объ оныхъ штуки. На мой вызовъ по сему предмету онъ охотно продолжалъ сей разговоръ и сказывалъ, что съ бунта бывшаго въ 18 лѣто Царствованія Цзяцзиня, чародѣевъ сюда не пропускаютъ,—или запрещено имъ сюда являться.—Ремесломъ симъ, которое составляетъ особенную секту, занимаются Индейцы и со-сѣдственные имъ Тибетцы съ большимъ усердіемъ,—онъ рассказывалъ, что одинъ изъ бывшихъ въ Пекинѣ, показывалъ тѣни усопшихъ по желанію и самому даже племяннику удалось видѣть ближайшаго своего умершаго родственника.—Тѣнь подошла (совершенно въ плотскомъ видѣ и платьѣ въ коемъ родственникъ его былъ погребенъ) къ кану на которомъ онъ сидѣлъ,—и онъ ясно могъ видѣть черты и одежду, даже говорила, но разговору нельзя было понять,—призыватель же понималъ и переводилъ ея слова. Чародѣй для вызова тѣни на сцену имѣетъ берцевую кость лѣвой ноги 17 лѣтней дѣвушки, въ которую извѣстныя ему таинственныя слова дуется и тѣнь вызваннаго мертвеца является.—Онъ сказывалъ, что сіи колдуны весьма опасны, за малѣйшее оскорбленіе жестоко мстятъ своимъ искусствомъ.—Нынѣ они шатаются по Монголіи, весьма бѣдны, употребляютъ въ пищу все безъ исключенія, крайне нечистоплотны.—Онъ рассказывалъ, что передъ войною въ 1827 году у нихъ бывшею, изъ Тибета одинъ изъ таковыхъ колдуновъ прислалъ къ его дядѣ полное описаніе съ малѣйшими подробностями происшествія еще неожиданной войны и даже послѣдствія оной и участь какая послѣдуетъ Джангера и проч.—Также, что здѣсь года съ два тому назадъ былъ одинъ Тибетецъ, который велѣлъ себя проткнуть въ грудь шпагой, конецъ оной вышелъ въ спину, шпагу вынули и ни раны ниже знака не было видно—и онъ взявъ сіе оружіе согнулъ оное въ кольцо и завязалъ узломъ, то самое, которое мы видѣли 14 числа во внутреннихъ комнатахъ Фое.—Они большіе мастера гадать на рукахъ и дѣлать другіе подобныя фокусы.—Лѣчатъ; напримѣръ, будто бы одинъ Тибетецъ, коего позвали къ страдавшему большимъ чирьемъ, прочиталъ молитву и взявъ какъ бы въ горсть чирей бросилъ его въ дерево,—чирей тотчасъ пропалъ, а на деревѣ слѣдался подобный оному на-

рость; они охотно вѣрятъ всёмъ этимъ брѣднямъ.— Отчасти морочать легко вѣрныхъ и даосы: напримѣръ протянувъ снурокъ отъ одной къ другой стѣнѣ въ срединѣ онъ привязываетъ писчую кисть, обмочивъ оную въ тушь,—вы спрашиваете что либо и кисть вамъ пишетъ отвѣтъ на подложенной бумагѣ.— Это долженъ быть какой либо фокусъ. Отъ сего племянникъ коснулся и другихъ суевѣрій, напримѣръ, что здѣсь въ городѣ будто бы появляется иногда лисица, разстраивающая домашнихъ между собою, что ни убить, ни выгнать ее невозможно, что кто духъ—демонъ,—онъ доказывалъ существованіе онаго тѣмъ, что во внутренности дворца кромѣ маленькихъ постельныхъ собачекъ содержимыхъ евнухами для Б. Х. гарема, по временамъ видятъ лисицъ и большихъ собакъ, что появленіе оныхъ въ какомъ бы не было домѣ всегда предвѣщаетъ несчастье, раздоръ или что либо подобное.— Племянникъ сказывалъ также, что и народѣю стоитъ только сѣсть между двумя самыми добрыми друзьями и они перессорятся самымъ ужаснымъ образомъ и даже могутъ дойти и до смертоубійства. Вотъ плоды здѣшней, столь прославляемой мудрости и умствованій. Мы изъявили свое сомнѣніе въ некоторыхъ случаяхъ и племянникъ удивлялся и желалъ насъ уверить, предоставляя спросить у кого угодно изъ здѣшнихъ.— Ему отдали сегодня портретъ Фое, причемъ племянникъ изъявилъ, что дядя его весьма желаетъ имѣть на память о семъ мой портретъ и І. П. и просить о семъ насъ и А. М. мы благодарили за честь,—и съ симъ проводили любезнаго гостя. Вскорѣ я принялъ лѣкарство.— 丁卯年正月十五日
И. И. и А. И. ѣздили прогуливаться одни. Сегодня Даміанъ принесъ мнѣ нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ какъ то скрипку, гитару, родъ трубы и 2 таза. 丁卯年正月十六日
Фонарный праздникъ продолжается,— у Сы-пай-лоу по сему случаю открыты родъ театровъ, на коихъ представляютъ разные фокусы, начинаютъ сказками, врутъ между собою всякій вздоръ, чтобы смѣшить только народъ. Зданія сіи находятся во внутренности дворовъ и совершенно подобны здѣшнимъ обыкновеннымъ театрамъ. Трескотня отъ ракетъ продолжается по городу съ утра и до вечера.— 丁卯年正月十七日
Корейскій чиновникъ не даетъ мнѣ покоя, безпрестанно является или присылаетъ съ жиньшенемъ для промѣна на зрительную трубку. 丁卯年正月十八日

Китайская мудрость.

Переводъ изъ Gasethe de France.

Народъ китайскій считается старшимъ братомъ всѣхъ другихъ, и потому не худо справляться иногда съ его нравственною исторіей, чтобы знать будущую судьбу нашу. Напримѣръ, если мы теперь похожи на китайцевъ, жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ нами, то не вѣроятно ли, что потомки наши будутъ походить на нынѣшнихъ китайцевъ? И такъ любопытныя, которые желали бы воскреснуть черезъ 20 вѣковъ, чтобы видѣть перемѣны, случившіяся во время ихъ отсутствія на земномъ шарѣ, могутъ вмѣсто того взглянуть въ китайскія лѣтописи, самыя полныя и древнѣйшія изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. А что древніе Китайцы были въ морали (слѣдственно въ главномъ) глупѣе насъ, то можно заключить изъ ихъ нравоучительныхъ книгъ, написанныхъ прежде Р. Х. Вотъ, нѣкоторыя мѣста изъ сихъ мудрыхъ твореній, въ которыхъ читатель безъ сомнѣнія найдетъ тонкости наблюденія, достойную философію нашего времени. "Чѣмъ болѣе отецъ любитъ сына, тѣмъ болѣе учить его, чѣмъ болѣе мать любитъ дочь, тѣмъ радить ея. Отецъ даетъ совѣты сыну, и требуетъ ихъ дочери, мать говоритъ сыну, что она хотѣла сдѣлать, а дочери, что она сдѣлала, отецъ бываетъ къ сыну слишкомъ ласковымъ, а къ дочери недовольно ласковымъ, мать при людяхъ ласкаетъ сына, а безъ людей на него сердится, ласкаетъ дочь свою тихонько, а при людяхъ бранить. Отецъ выдаетъ дочь замужъ, чтобы отъ нея избавиться, а сына женить для того, чтобы съ нимъ не разставаться, мать выдаетъ дочь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы она уже не имѣла въ ней нужды, а сына женить съ тѣмъ, чтобы онъ не могъ обойтись безъ нея, Отецъ любитъ зятя и сноху, мать любитъ зятя, а не любитъ снохи. Отецъ вступаетъ на словахъ за своего зятя и работаетъ за сына, мать тихонько беретъ деньги у мужа для сына, а у сына для дочери. Отецъ желаетъ, чтобы дочь была счастлива, а сынъ добрымъ человѣкомъ, мать желаетъ, чтобы дочь была здорова, а сынъ богатъ. Послѣдніе взоры отца устремляются на сына, послѣдніе вздохи матери бываютъ о дочери. Сынъ тужить болѣе объ отцѣ, плачетъ болѣе о матери, дочь болѣе тоскуетъ о матери, и болѣе жалѣется объ отцѣ (Извлеченіе изъ книги У-те-гоа).

Если по сему параграфу можно сравнять родителей древняго Китая съ родителями нынѣшней Франціи, то по слѣдующимъ стро-

камъ, извлеченнымъ изъ Уанг-чи, можно сравнять тогдашнихъ женщинъ Китая съ нынѣшними французженками. "Кто вѣритъ женѣ, тотъ обманывается, кто не вѣритъ ей, тотъ обманутъ. Время раздираетъ покровъ истины и одѣвается имъ, женщины также-онѣ открываютъ тайны другихъ, чтобы скрыть собственныя. Языкъ есть мечъ женщины" онъ никогда не ржавѣетъ. Чѣмъ болѣе жена любитъ мужа, тѣмъ болѣе исправляетъ его отъ пороковъ, чѣмъ болѣе мужъ любитъ жену, тѣмъ болѣе умножаетъ ея прихоти. "Китай мѣсто дальнее, когда мы очутились въ немъ, то надобно пользоваться случаемъ-и для того приведемъ здѣсь китайскую старинную пословицу, достойную вниманія всѣхъ народовъ земли: "Когда мечи заржавѣли, а сошники свѣтлы, темницы пусты, а житницы полны, крыльца храмовъ покрыты грязью, а дворы судилищъ заросли травой, лѣкари ходятъ пѣшкомъ, а мясники ѣздятъ верхомъ, тогда бываетъ много стариковъ и дѣтей, тогда государство счастливо."

Теперь судите, умнѣе ли мы древнихъ китайцевъ въ морали и политикѣ, съ того времени какъ сіи книги написаны и сія пословица извѣстна въ Китаѣ, царствовало тамъ множество добрыхъ мудрыхъ государей, было множество ученыхъ физиковъ, философовъ, однакожь нынѣшніе китайцы ни мало не лучше своихъ предковъ. Жаль, ибо должны заключить изъ сего, что и наши потомки будутъ не лучше насъ.

Пан. ин. слав. 1818г.

Мысли китайцевъ.

(Изъ Мочь des Orientaux.)

Любовь къ добродѣтели не столь сильно дѣйствуетъ, какъ любовь къ роскоши. Будь мужественъ, но старайся прежде побѣдить самого себя. Мудрецъ старается находить погрѣшности въ самомъ себѣ, глупецъ ищетъ ихъ въ другихъ. Не старайся выдумывать плановъ отличиться важнымъ дѣломъ, это есть ни что иное, какъ начерченные на пескѣ фигуры, малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра замигаемыя. Не ищи тамъ добродушія и истины, гдѣ стараются льстить твоимъ достоинствомъ, безкорыстіе есть наилучшій щитъ отъ собственныхъ страстей твоихъ. Величайшій герой въ свѣтѣ можетъ потерять свою независимость, между тѣмъ нельзя отнять и у слабѣйшаго человѣка свободы мыслить. Разумъ твой есть зеркало, да будетъ оно всегда чисто и ясно, и старайся стереть его, ежели оно

и на минуту потускнѣть. Не производи въ дѣйство такого предпріятія, о которомъ стыдишься сказать и друзьямъ своимъ. Страшись и тайнаго преступленія, ибо для Бога ничего не можетъ быть скрытаго.

Съ Франц. Д.—Плвѣ. Др. Юн. 1811 г.

Изъ Газетъ.

Паденіе Нанкина.

Нанкинъ сильнѣйшій центръ дѣйствій мятежниковъ согласно сообщенію взятъ утромъ 26 Августа правительственными войсками. Последняя надежда южныхъ бунтовщиковъ учредить вторую республику въ Китаѣ и сдѣлать Нанкинъ своей столицей очевидно исчезла. Жители Нанкина, которые это время находились въ постоянномъ страхѣ отъ мятежниковъ напр. когда Чанъ-Сунъ вступилъ въ городъ со своими войсками, наконецъ освободились отъ несчастій войны. Да и довольно уже они потерпѣли!

Нанкинъ былъ столицей Минской Династіи и временно центромъ сраженій между Маньчжурскими и Китайскими войсками. Затѣмъ опять былъ сдѣланъ столицей Тайпинскими мятежниками и ихъ правленіе было очень тяжелое для народа. Постепенно Тайпинское возстаніе было подавлено, а жителямъ города время отъ времени приходилось переносить всѣ тяжести войны. Городъ былъ осаждаемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ войсками Маньчжурскаго правительства до тѣхъ поръ, пока не палъ въ 1864 г., когда жителямъ разрѣшили вести ихъ мирную торговлю и возобновить свои обычные занятія. По истеченію 47 лѣтъ революціонеры объявили Нанкинъ своей столицей въ 1911 г. во время войны противъ Маньчжурскаго Правительства, жители коего охотно переносили лишенія всякаго рода, чтобы только свергнуть Маньчжурскій деспотизмъ—что они считали дороже своей жизни за личную свободу, которая была дорога для нихъ. Но 15 Юля Хуанъ-Синъ пріѣхалъ въ Нанкинъ и заставилъ силой тао-тая Ченъ-Те-чуаня выпустить прокламаціи, объявляя независимость провинціи Кіансу и назначая Хуанъ-Сина главнымъ командующимъ карательной экспедиціи противъ Юанъ-Шикая. Такимъ образомъ Нанкинъ опять сдѣлался главнымъ центромъ революціонеровъ, который наводнили тысячи искателей приключеній пришедшіе на помощь Хуанъ-Сину въ походъ противъ

Президента Республики. Это время населеніе Нанкина переносило всевозможныя лишенія и несчастія только по необходимости, такъ какъ они знали, что у южныхъ предводителей было недостаточно силъ, чтобы начать вторую революцію, и имъ тяжело было быть свидѣтелями того, какъ преливаютъ кровь ихъ друзьямъ. Они надѣялись, что народныя задачи страны будутъ разрѣшены на Національномъ Собраніи, а что насилія и борьба ни къ чему не приведутъ. Теперь они торжествуютъ и чрезвычайно рады, что люди не подлежаціе отвѣтственности, какъ Хуань-Синъ и Чень-Чи-мей покинули страну, чему принудилъ ихъ къ сему тотъ результатъ, что мирныя жители не симпатизировали настоящей борьбѣ противъ Центрального правительства.

Какъ жаль, что произошло настоящее безпокойство, которое принесло массу несчастій мирнымъ жителямъ южныхъ провинцій въ особенности въ Шанхаѣ и Нанкинѣ, и которое почти поколебало всеобщую вѣру въ то, что Китай мирная и добродушная нація. Это столкновение произошло только по настоянію нѣкоторыхъ честолюбивыхъ предводителей, — которые въ своемъ безуміи не приняли во вниманіе общее благосостояніе четырехъ сотъ милліоновъ людей. Въ результатъ убито много людей; масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей голодающихъ; многіе лишились крову, убиты бѣдностью и немало несчастныхъ и все это за малое число людей въ существованіи которыхъ они имѣли мало интересу и которыхъ впоследствии они возненавидѣли.

На это возстаніе убиты милліоны долларовъ, а также пріостановка промышленности и торговли принесла громадныя убытки.

А безуміе всего то, что предводители южныхъ мятежниковъ хорошо сознавали свои недостаточныя силы, чтобы одержать побѣду противъ центрального правительства, которое, хотя и находится въ критическомъ финансовомъ состояніи, всегда можетъ занять гдѣ либо денегъ для веденія войны съ ними и прибѣгнуть къ силѣ оружія. «Случайность править всѣмъ», конечно, не имѣла силы во время настоящей революціи. Предоставляя все случаю, они, однако, бросили играть въ обманъ, когда дѣло коснулось ихъ собственной жизни и для самозащиты бѣжали изъ страны. Хотя еще есть люди, которыя заинтересованы этимъ возстаніемъ, но только тѣ, кому не пришлось испытать самимъ ужасовъ революціи, и мы надѣемся, что они оставятъ свои злые замыслы, раскаются въ своемъ безуміи и не будутъ болѣе вредить чести и имени своему отечеству.